

Надежда Черпинская

ИРЛАНДЕЦ

Историческое фэнтези

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ч-45

Черпинская Н.
Ч-45 Ирландец: Историческое фэнтези / Надежда Черпинская – М.: Литнет, 2026.
– 376 с.

ISBN 978-5-521-89849-7

Они поклялись любить друг друга вечно, поклялись на руинах древнего города, волшебного места силы.

Шепча заветные слова, они не знали, чем обернётся эта клятва.

Теперь, чтобы сдержать обещание, им придётся обмануть саму Смерть, пройти сквозь тьму отчаяния, испытание разлукой, время, пространство и козни врагов.

Но, если в сердце, как свет маяка, горит истинная любовь, две души непременно отыщут путь друг к другу.

ОДНОТОМНИК

Входит в цикл «Ведьмаки нашего времени», но читается отдельно.

Мистическая история о верности, нежности и вечной любви.

Большая часть событий происходит в альтернативной Ирландии XIX и XX века.

Часть 1 в цикле «Ведьмаки нашего времени»

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-89849-7

© Литнет, 2026
© Н. Черпинская, 2026

Пролог. Сны с запахом моря

*Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда...*

Осип Мандельштам

Шанна...

В её имени шорох морского прибоя и пьянящий аромат диких роз.
«Всё для тебя, Шанна, только для тебя...»

Невыносимо жгло ладони.

Пальцы застыли от ледяной воды. Мокрые ракушки врезались острыми краешками, царапали до крови. Мелкие ссадины на коже больно щипало – соль в океане такая едкая, она вгрызалась безжалостно, словно хотела обглодать до самых костей.

Желание вышвырнуть богатый улов становилось всё сильнее, оно горело внутри, как и раздражённая морской водой кожа, но он только сильнее прижимал к груди «своё сокровище» и прибавлял шаг.

Боялся опоздать.

Уже не шёл, а почти бежал. С холма и вовсе понёсся вприпрыжку, путаясь в буйных порослях разнотравья.

Штанины, мокрые почти до колен, неприятно шлёпали по окочевшим ногам. Но от бега согрелся, даже чувствовал, как покраснелись щеки. Солёный ветер с побережья подгонял в спину, торопил.

Узкая тропка привела к невысокому основательному забору. Тёмные камни поросли изумрудным бархатом мха, он торчал из каждой щели и трещинки.

Чтобы заглянуть во двор, пришлось подпрыгнуть и, шаркая ногами по скользким камням, подтянуться и лечь животом на каменную кладку. Больше всего он боялся растерять или случайно сломать ракушки, но вышло удержать их в ладонях.

Она сидела на скамеечке под старой яблоней, как и всегда. Спинай к нему. Волосы были зачесаны гладко, собраны в маленький пучок. Белый кружевной воротничок облегал тонкую шейку. Изящные руки мелькали ловко и легко, как крылья чайки. Склонившись немного, она возилась с каким-то рукоделием – кажется, вышивала.

Успел.

Вечерело, солнце катилось вниз... Вот-вот коснётся макушки холма, и синие тени поползут по саду. И тогда она исчезнет в доме.

– Шеннон!

Она вздрогнула, подскочила, и пушистая козья шаль соскользнула к ногам. Девочка обернулась, и огромные светлые глаза распахнулись изумлённо, улыбка осветила её бледное лицо. Но уже через мгновение тревога исказила милые черты, она испуганно оглянулась на окна дома.

– Ты что здесь делаешь? Уходи скорее! Отец дома...

В ответ он расплылся в счастливой, беспечной улыбке, замотал головой, изо всех сил показывая, что совсем не боится. Рыжие пряди упали на глаза, но убрать их сейчас не вышло бы при всём желании – руки по-прежнему были заняты ракушками. Он призывно махнул головой и соскользнул вниз с забора, сдирая кожу на рёбрах о неровный каменный край.

Зашипел сквозь зубы. Но рёбра и ссадины... это ведь такая ерунда!

Чуть пригнув голову, он пронёсся вдоль забора туда, где за глухой стеной дома, в зарослях одичавших роз, кладка камней обвалилась от времени и сырости, и перебраться через забор можно было легко и просто. А густой кустарник надёжно скрывал от случайных глаз незваного рыжего гостя.

Шеннон, придерживая руками широкую юбку простого серого платья, протиснулась меж колючих ветвей легко, не задев даже

листика или бутона, словно бесплотный лесной дух. Густой аромат роз мгновенно окутал их в этой «изумрудной беседке». Он так привык к тому, что запах роз всегда окружает девочку, что стоило теперь где-то увидеть эти цветы или почувствовать их благоухание, и взгляд невольно начинал искать Шеннон даже там, где её и быть не могло.

А она говорила, что он пахнет морем и солнцем.

Неудивительно. Море и солнце... То что надо для рыжего сына рыбака.

– Шон... Милый... – улыбнулась она, но тотчас нахмурила строго брови. – Ты с ума сошёл! Зачем ты пришёл? Отец сказал, что убьёт тебя, если ещё раз увидит в нашем саду!

– Пусть сперва догонит! – хвастливо хмыкнул мальчишка. – Вот! Это тебе...

Он протянул к ней руки, и в маленькие нежные ладони девочки посыпались разноцветные раковины. Некоторые упали в траву, не уместившись в её маленьких ручках.

Она смотрела изумлённо и молча, и только светлые глаза сияли так ярко и счастливо, будто он насыпал ей в руки драгоценных камней или золотых монет из горшочка лепрекона.

– Ты же любишь ракушки... – смущённо пожал он плечами, – а на берег тебя не пускают...

– Шон... – восторженный, едва различимый шёпот слетел с её губ.

Шеннон опустилась на колени, осторожно высыпая в траву свои сокровища, и теперь уже перебирала каждую по отдельности, гладила тонким пальчиком, подносила к носу, вдыхая неповторимую свежесть моря.

– Я сам их все нашёл... – гордо поведал он, падая в траву рядом. – Вот эту у Ведьминого мыса. Вот эти у причала. А вот за этими пришлось забраться прямо в море у Чёрного грота.

– Шон, они такие красивые, такие красивые! А вот эта... смотри! Какая большая! Она шумит, вот послушай, она шумит...

Она протянула свою белокожую ручку и приложила холодную мокрую раковину к его уху.

Шон замер, слушая... Ему было всё равно на море, спрятавшееся в ракушке – он видел побережье каждый день. Он уже ходил на промысел вместе с отцом. Он любил солёную могучую стихию, но она была привычной.

А вот эту нежную, волшебную девочку, так непохожую ни на одну его знакомую, он любил гораздо больше, чем какое-то море, и ракушки, и даже больше, чем сладкий бармбрэк¹, который отец покупал только по большим праздникам.

Её рука задела мокрую холодную штанину, и Шеннон нахмурилась и укорила, заботливо и строго:

– Все ноги промочил! Разве так можно? А если простудишься... Я не хочу, чтобы ты из-за меня заболел. Береги себя, пожалуйста!

Шон только улыбался, ему совсем не было совестно. Ради улыбки на её лице и восторга в её глазах, он был готов умереть, как настоящий благородный рыцарь. Подумаешь – забраться в холодное осеннее море, подумаешь – простудиться!

Она журила так... совсем по-взрослому, но как-то... мягко, нежно... Как, наверное, могла бы, любя, бранить его собственная мать.

Только вот... мама Шона никогда не ругала. У него просто её не было.

– Я лучше тебя беречь буду. А за меня не бойся! Я крепкий, – хвастливо заверил он.

– Ты самый лучший! – улыбнулась она бесхитростно и, потянувшись, обняла порывисто.

– Это ты самая... – выдохнул он в её волосы. – Шанна, мы завтра в город с отцом, на ярмарку. Хочешь, я тебе что-нибудь ещё привезу? Заколку, колечко, платок? Всё, что захочешь!

¹ Национальное блюдо, сладкий дрожжевой хлеб с изюмом, является одним из главных атрибутов праздничного стола на День Всех Святых.

Она отстранилась и замотала головой.

– Не надо! Отец увидит – будет спрашивать, откуда взяла, – она грустно вздохнула.

– А ты не говори! – насупился он.

Соврать Шон не предлагал, ему такое и в голову не пришло. Такие, как она, врать не умеют. Шеннон и ложь никогда не встречались, и вряд ли когда-то встретятся.

– Если буду молчать, он разозлится ещё больше, – снова вздохнула она. – И всё равно поймёт. Он так сердился! Ты бы слышал, как он кричал в прошлый раз. Сказал: «Ещё раз увижу тут это дьявольское отродье, сверну ему шею, а тебя запру в чулане до самого замужества!»

– Дьявольское отродье... – хмыкнул Шон. – Причём тут дьявол? Будто мистер Маккеннет не знает, кто мой отец...

Шеннон вздохнула ещё громче и опустила глаза.

– Думаю, отец не дядю Донала имел в виду. Ты же знаешь, что про тебя болтают...

– Подумаешь! – фыркнул Рыжий, разозлившись. – Пусть болтают, что хотят! А ты... что же, сильно смелая? Не боишься дьявольского отродья?

Шон дёрнулся, собираясь вскочить на ноги, но она вцепилась в его замёрзшую ладонь, качнулась вперёд и снова обняла крепко, испуганно, удерживая на месте.

– Глупый! Какой же ты глупый... Ты мой самый лучший! Я совсем тебя не боюсь, и с тобой ничего не боюсь! Ты мой самый лучший, самый лучший!

Шон несмело обнял её в ответ и твёрдо пообещал:

– Однажды я заберу тебя отсюда... Однажды я обязательно заберу тебя, Шанна. И твой отец мне не указ. Мы будем вместе, всегда будем вместе... Обещаю. Ты только моя! Навсегда. Только моя...

Он чувствовал, как она улыбается у него на плече. Его первая и единственная любовь. Сердце дрожало и сжималось, и так хотелось

расплакаться. Но мужчины ведь не плачут... Даже если им ещё так мало лет.

– Шеннон! Ты где опять? – грозный рев заставил их обоих вздрогнуть. – Шеннон! Дрянная девчонка! Я этому паршивцу уши оторву вместе с его рыжей башкой! Проклятый ублюдок, пошёл прочь отсюда!

– Беги! – испуганным шёпотом велела Шеннон.

Он подскочил, будто его укусили, и бросился сквозь колючие заросли к забору.

Вскочив на каменную стену, оглянувшись, заметил, что Шанна успела старательно прикрыть травой свои «морские сокровища». Если Брайен Маккеннет обнаружит подарок, сразу растопчет в пыль. Это полбеды... Но он ведь тогда дочку накажет – вот что страшно.

Разгневанный папаша как раз с треском прорывался сквозь кусты, рыча и чертыхаясь.

– Я люблю тебя, Шанна Маккеннет! – звонко крикнул Шон и проворно сиганул вниз.

Вот теперь самое время бежать со всех ног...

Настоящее

Пробуждение вышло болезненным.

Он отчаянно цеплялся за обрывки сна, пытаюсь удержаться там, где запах моря, роз и свободы кружил голову, а светлая вера в грядущее счастье окрыляла. Где сердце грела любовь, нежная и чистая, как рассвет.

Но реальность уже выцарапывала безжалостно из этих сладких грёз будничными когтями-крючьями.

Серый сумрак – фонарь светит прямо в окно, но толку с него мало, в комнате темно. Промозглая сырость, стылый холод – даже

под одеялом не спрятаться. Может быть, стоило забраться подальше от моря? Или дело в том, что отель пуст, и живое тепло его не греет?

Добро пожаловать в твоё настоящее, Шон Фланаган!

Рыжий потёр лицо ладонями, избавляясь от остатков сонливости, сел резко и, зябко поёжившись, потянулся за шерстяным свитером, что висел на резной спинке кровати.

На лестнице царил абсолютная темнота, но это для него проблемой давно не было. Пока спускался вниз, дубовые ступени ворчливо поскрипывали, жаловались.

Ничего... привыкнут со временем к новому хозяину. Ведь не скажешь, что он им досаждаёт такой уж большой тяжестью. В детстве Шон был сущим доходягой – одни кости. Теперь, конечно, оброс мускулатурой, как положено, но всё-таки излишним весом от природы не страдал.

Шон остановился, почувствовав чьё-то живое присутствие на кухне... Собственно, вариант мог быть лишь один. Старый друг Роуди тоже не спит в столь поздний час.

Шон нырнул в резную арку, ведущую в просторную комнату, напоминавшую больше не место для приготовления пищи, а скорее пристанище ведьмы или алхимика, или винный погреб, а ещё (немножко) аптечную лавку.

– Что, опять дурные сны покоя не дают?

Знакомый ворчливый голос Шон услышал раньше, чем заметил его обладателя. Невысокого бородатого крепыша Роуди почти не видно было из-за стола, даже свет единственной лампы рядом с ним не спасал, хотя тот сидел на «своём» стуле – особом, на очень длинных ножках, с перекладинами, чтобы он легко мог взобраться туда. Этот предмет мебели Роуди, после их переезда из Дублина, притащил сюда в первую очередь.

– С чего ты взял? – буркнул Рыжий, выискивая на полке коробку с кофе.

– Четыре утра, мой друг... – насмешливо откликнулся его приятель. – Самое время для твоих кошмаров.

– Почему сразу кошмары? – лениво огрызнулся Шон. – Что такого ужасного ты находишь в воспоминаниях о детстве и юности?

– Ничего, но... Если бы в твоих снах жили только воспоминания о старых добрых днях... А в твоих снах – призраки прошлого и туман иллюзий. Всё это давно пора отпустить, – привычно взялся поучать Роуди. – Пока оно не свело тебя с ума окончательно. Знаешь, фейри... все немного не в себе... Но твоё упёртое стремление в пучину безумия пугает даже такого повидавшего виды старого лепрекона, как я. А уж я, в моём-то возрасте, всякого насмотрелся...

– Брось, Роуди! Не драматизируй! Будто ты сам в моих снах был и всё видел, – скривился Шон. – И не строй из себя мудрого старца – тебе всего пять веков миновало! Кофе будешь?

– Если только разбавишь его на треть моим «зельем», – лукаво подмигнул лепрекон, почёсывая клочковатую бороду. – Ты прав, я ещё не так стар. Но точно повидал больше тебя, мальчишка. И тебе стоило бы радоваться, что у тебя есть такой мудрый друг и соратник!

– Я радуюсь, Роуди. Ты же знаешь – ты мой единственный настоящий друг. Единственный, кому я доверяю. И я это ценю, – Шон клятвенно приложил руку к сердцу. – Несмотря на то, что ты редкостный зануда.

– Ах, зануда! Вот она благодарность! После того, сколько раз я тебя вытаскивал из... – лепрекон возмущенно фыркнул, подыскивая приличное слово, – вытаскивал тебя с самого дна, ты ещё имеешь наглость так обо мне отзываться.

– Роуди, хватит уже играть на публику... – отмахнулся Рыжий. – Всё равно ведь никто тебя не слышит, кроме меня.

– А я с тобой и разговариваю! Я до тебя пытаюсь достучаться, но ты глуп и глух, как дерево, как настоящий подменш из человеческих сказочек... Полено рыжее! – Роуди надулся и состроил гримасу, но уже через секунду посерьёзнел заново. – Ты доведёшь себя до края! Вернее, ты и так по нему ходишь. Но если ты не выбросишь из головы все эти глупости с поисками, то, в конце концов,